

ХРОНОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ

Хронологические рамки исследованного комплекса определяются на основании анализа материала, полученного при археологических раскопках, прежде всего, керамических изделий и подвесок из восточных монет.

Как уже говорилось (см. главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма»), в архитектурной истории церкви в урочище Еди-Евлер выделяется четыре периода. Первый и второй периоды представляют собой два последовательных, практически совпадающих по времени этапа строительства, итогом которого стало возведение двух-апсидного храма, история которого отражена в культурных слоях №№ 7, 7а-в, 7-1, 7-2, 13а-б, 14а-г, 6-1, 6-2, 6-3, 6, 2б, отчасти 12а, заполнениях ям № 8 и № 10 и погребального комплекса № 1.

При изучении этой группы отложений в слоях №№ 6 и 13 обнаружены кресты, вырезанные из арабосасанидской полудрахмы второй половины VII – начала VIII в. (подражание выпускам Хосроя II [590-628]) и дирхема чеканки Омейядов (661-750) (см. главу 5 «Металлические кресты»). По мнению некоторых специалистов, приток ранних куфических монет VII–VIII вв. в Юго-Восточную Европу относится к началу IX в., причём в кладах этого времени преобладают выпуски VIII в., а также сасанидские монеты и чекан арабских наместников (Сидоренко 2002: 448). Очевидно, что в истории Таврики такие артефакты сами по себе нельзя считать надёжными хронологическими индикаторами. К тому же монета, выпавшая из обращения и используемая вторично в качестве подвески или вырезанного из неё креста, могла находиться в живой культуре несколько столетий (литература вопроса см.: Морозов 1998: 380). В то же время такие находки, обнаруженные в определённом археологическом контексте, позволяют получить некоторое представление о его нижней дате.

Оба креста происходят из слоев второго строительного периода, т. е. не исключено, что *terminus post quem* этого периода соответствует времени не ранее начала IX в., а скорее всего, с учетом вторичного использования монет, и более позднему.

Несколько скорректировать эту дату позволяет анализ состава керамических находок. Как неоднократно отмечалось многими исследователями, хронология керамики второй половины VIII – первой половины X в. из раскопок памятников Таврики все еще требует уточнений (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 74-75; Науменко 2009а: 35-46). Тем не менее, на основе анализа взаимовстречаемости различных групп и типов гончарных изделий, можно получить более детальное представление о датировке строительных периодов храма.

Хронологически значимые находки в слоях первого-второго строительных периодов представлены фрагментами амфор трёх типов местного производства. Первому из них (с желобчатой поверхностью и валикообразным венчиком) соответствует второй вариант амфор «причерноморского» типа по А.Л. Якобсону (1979: 31, рис. 13: 1-4) или тип XVI по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 90), класс 36 и, возможно, 38 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 60-61, табл. 23: 128, 129; 28: 132). Второй и третий (с двухчастным горлом, разделенным реберчатым выступом) представляют собой, видимо, варианты амфор типа XV по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 89-100), класса 30 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 56, таб. 25, 26). Пробразами всех этих амфор, очевидно, послужили импортные тарные сосуды, бывшие в обращении на территории Причерноморско-Средиземноморского региона в различных хронологических и локальных вариантах по меньшей мере с IV–VII вв. (LRA-1) до начала X в. (см. напр.: Arthur 1998: 157-184; Waywell, Wilkes *et al.* 1995: 451-455, fig. 6: 2, 4, 6, 10; Hayes 1992: 71-73, fig. 23, 25; Vroom 2005: 52-53, byz 11.2). Местные подражания этим сосудам, представленные в том числе и тремя типами из раскопок храма, производились на территории Таврики, исходя из имеющихся на сегодняшний день данных, примерно со второй половины (конца?) VIII в. и до первой половины (первой трети?) X в. (см. главу 3 «Керамика»). Таким образом очевидно, что датировка найденных при раскопках амфор достаточно широка. Однако следует отметить некоторые особенности керамического комплекса первого-второго строительных периодов, которые в целом позволяют сузить его хронологические рамки. В первую очередь это отсутствие среди керамических находок нескольких близких по времени типов тарных сосудов, которые либо уже вышли из употребления, либо еще не появились в обиходе.

К вышедшим из употребления сосудам определённо относятся импортные амфоры с мелким зональным рифлением (МЗР), известные как тип Late Roman 2 (LRA-2) (см. напр.: Sciallano, Sibella 1991: 106-107) и их вариации, производимые в Таврике (первый вариант «причерноморского» типа по А.Л. Якобсону, тип XIV по ХК-71, класс 24 по ХК-95) (Якобсон 1970: 39; Антонова *и др.* 1971: 88-89; Романчук *и др.* 1995: 50-52). Как было отмечено ранее (глава 3), к началу IX в. выпуск этих амфор на территориях, находящихся под византийским влиянием, в том числе и в Таврике, значительно сократился (см. напр.: Баранов, Майко 1996; Майко 2000: 102-103; 2004: 184; 2012б; Пономарев 2003а: 268; Зинько, Пономарев 2005: 237-238; Романчук *и др.* 1995: 47; Седикова 1995: 170-171; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1997: 10-12; Нидзельницкая 2009: 280 *и др.*).

К ещё не вошедшим в обиход сосудам относятся высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками (тип XX по ХК-71 [Антонова *и др.* 1971: 91-92, рис. 20: 20-21], класс 41 по ХК-95 [Романчук *и др.* 1995: 63-60, таб. 30-32], тип 44 по А.В. Сазанову [Sazanov 1997: 97, fig. 4: 44], “large one-handled jag” или “local tall one-handled jag” по J.W. Hayes [1992: 125, 223; fig. 21: 3; 71: 53]) (подробнее см. главу 3 «Керамика»). Общая хронология этих сосудов, на основании анализа комплексов Херсонеса, в том числе содержащих монетные находки, наиболее ранние из которых относятся ко времени правления императора Василия I Македонянина (867-886), наиболее поздние принадлежат императору Роману IV Диогену (1067-1071) и Михаилу VII Дуке (1071-1078) (Рыжов, Седикова 1999: 325; Алексеенко 2006: 86-87; Нессель 2006: 97, 107), определяется в рамках 60-80-х гг. IX – конца XI в. Период наибольшего распространения кувшинов приходится на X – середину XI в. (см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 107).

Исходя из приведённых данных, можно с высокой долей вероятности предполагать, что храм был построен уже после того, как импортные и местные амфоры с мелким зональным рифлением вышли из широкого употребления, а высокогорлые кувшины ещё не появились в обиходе, иначе трудно объяснить, почему члены местной общины не пользовались в церковном быту именно этими типами сосудов, хотя на близлежащем поселении они встречаются (Лысенко, Тесленко 2012: рис. 3: 2; 6: 8, 9). В то же время другие типы амфор местного производства с желобчатым туловом, а также с «двухчастным» горлом и вогнутым днищем, продолжают использоваться синхронно.

Таким образом, учитывая возможную датировку восточных монет, из которых изготовлены кресты-подвески, а также судя по отсутствию амфор с мелким зональным рифлением в культурных слоях перво-второго строительных периодов, нижняя дата сооружения храма должна быть отнесена к середине или второй трети IX в. Отсутствие же высокогорлых кувшинов позволяет очертить верхнюю границу жизнедеятельности двухапсидного храма временем не позднее 60-80-х гг. IX в. Хронология остальных находок не противоречит приведённым наблюдениям.

Керамический комплекс третьего строительного периода (слои №№ 4, 12, 12а-б, 14, 5, 5б), в течение которого храм восстанавливается и продолжает функционировать как одноапсидная церковь, кроме характерных для предыдущего периода типов амфор включает донную часть высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками, которая, вероятно, была частью какой-то конструкции в алтаре. Датировка этого сосуда определяет нижнюю хронологическую границу капитальной реконструкции здания временем не ранее 60-80-х гг. IX в.

Другими критериями для определения даты третьего строительного периода можно считать находку в слое разрушения фрагмента византийского белоглиняного

поливного кувшина константинопольского производства (GWW-II) (Hayes 1992: 18-19), относящегося ко времени не ранее начала X в. (см. напр.: Hayes 1992: 12-15, 18-19; Vroom 2005: 75), а также отсутствие среди археологического материала фрагментов красноглиняных «грушевидных» амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» (тип IIb по Н. Гюнсенин [Günsenin 1990: 24-28]), византийских сфероёмкостных амфор (тип I по Н. Гюнсенин [Günsenin 1990: 21-24, fig. 4]), а также другой керамики, характерной для археологических комплексов второй половины X – начала XI в. (см. напр.: Булгаков 2000; Майко 2002а: 48-55; Майко 2004). На основе результатов сопоставления этих данных можно предполагать, что верхний хронологический рубеж последнего этапа функционирования храма не простирается далее середины X в. Мизерное количество обломков высокогорлых кувшинов может несколько удревнить дату археологических слоев этого периода, перенеся её в конец IX – начало X в. (см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 106-107). Однако, учитывая, что керамические комплексы поселений и храмов могут отличаться друг от друга, в частности из-за различных обстоятельств формирования культурных отложений, для более весомой аргументации предложенной датировки необходимо привлечение большего количества керамических материалов из качественно исследованных синхронных археологических контекстов других памятников.

Четвёртый строительный период, характеризующийся использованием остатков руин южного нефа для добычи камня и возведения небольшой постройки неясного назначения, также датируется по находкам керамики. Это обломок днища коричневоглиняного сосуда закрытой формы группы «Юго-западный Крым» XIV–XV вв. и фрагменты чаш группы «Юго-восточный Крым» второй половины XIV–XV вв. с орнаментом сграффито и полихромной раскраской.

Какие-либо артефакты, относящиеся к периоду середины X – середины XIV в. при раскопках не зафиксированы. Вероятно, руины храма в промежутке между третьим и четвёртым строительными периодами никак не использовались, по крайней мере, активно.

Таким образом, в конечном итоге, можно предложить следующую датировку строительных периодов храма. Сооружение двухапсидной постройки (первый и второй строительный периоды) относится ко времени не ранее второй трети – середины IX в. Разрушение здания и последующая его реконструкция с упразднением северного компартамента (третий строительный период), а также его дальнейшее функционирование и разрушение происходят в промежутке с 60-80-х гг. IX в. до середины (первой четверти?) X в.

Новый интерес человека к руинам, отразившийся в материальных остатках, проявляется не ранее второй половины XIV–XV вв. После окончательного разрушения возведённой в это время кладки и остатков стен южного компартамента памятник пребывал в забвении вплоть до начала археологических исследований.